

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАУКА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

ЖЕНЩИНЫ И ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Нурлыева Махри Гурбановна

Преподаватель, Туркменский государственный медицинский университет им. Мырата Гаррыева г. Ашхабад Туркменистан

Гочумова Саят

Старший преподаватель, юридический факультет, Туркменский государственный университет имени Махтумкули г. Ашхабад Туркменистан

ГЕНДЕРНЫЕ НОРМЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Представители разных социогуманитарных дисциплин на протяжении последних двух десятилетий активно изучают те изменения, которые происходят в сфере гендерных отношений. Интерес исследователей направлен не только на изучение реальных моделей гендерных отношений, но и на анализ тех индивидуальных характеристик, которые обуславливают новые поведенческие практики современных мужчин и женщин как субъектов разных социальных ролей. Наибольший интерес в работах ученых был проявлен к изучению гендерных представлений, стереотипов, установок как личностных характеристик мужчин и женщин, которые в определенной степени связаны с их социальным поведением и отношениями (Задворнова, 2014; Ковтун, Куперман, 2017;

Нечаева, 2017; Ростовская, Заярская, 2017; Смирнова, 2005; Суркова, 2008; Торкунова, 2015). Однако более значимую роль в регуляции поведенческих проявлений личности играет ценностно-нормативная система, в частности социальные и культурные нормы. Нормы и ценности как регуляторы поведения действуют на разных уровнях социальной реальности — в обществе, в группах, на уровне поведения отдельной личности. Нормы поведения позволяют мужчинам и женщинам как членам разных групп оценивать свои и чужие поступки, соотносить оцениваемые явления с эталонами, формировать и направлять собственное общение и взаимодействие. Другими словами, нормы мужского и женского поведения (гендерные нормы) имеют тесную взаимосвязь с гендерными отношениями, они определяют поведение и взаимодействие мужчин и женщин. В то же время конкретные практики поведения могут видоизменять нормативные гендерные предписания. Гендерные нормы — это правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп (Клецина, Иоффе, 2017).

И.С. Кон, анализируя зависимость традиционных норм от изменений в ролевом поведении мужчин и женщин, подчеркивал: «Изменения в содержании и структуре гендерных ролей и идентичностей преломляются в социокультурных стереотипах, представлениях мужчин и женщин друг о друге и о себе» (Кон, 2011: 57).

Логика рассуждений подводит нас к мысли о том, что исследования, посвященные изучению тенденций трансформаций в сфере гендерных отношений, должны опираться на информацию о гендерных нормах. В качестве обоснования могут быть использованы следующие соображения.

Во-первых, гендерные нормы — это разновидность социальных норм. Подобно социальным нормам, гендерные нормы не являются простым отображением реального положения вещей, они определяют некоторые оптимальные стандарты деятельности и образцы поведения мужчин и женщин как членов общества и субъектов гендерных отношений, что облегчает личности выбор стратегий и моделей поведения.

Во-вторых, в гендерных нормах важную роль играет культурная составляющая. Это связано с тем, что нормы мужского и женского поведения формировались преимущественно на основе культурных обычаев, традиций, символов, а распространялись и закреплялись в общественном сознании с помощью средств массовой информации и продуктов культуры, среди которых большую роль играло народное творчество (мифы, сказки, песни). Поэтому трансформационные процессы в сфере гендерных отношений в значительной мере опосредованы распространенными в массовой культуре образцами мужского и женского поведения.

В-третьих, основная функция гендерных норм, объединяющая их с социальными нормами, связана с оценкой, регуляцией и контролем поведения. Гендерные нормы наряду с ценностями и традициями составляют социокультурное пространство, в котором находятся мужчины и женщины; транслируя предписания и запреты, нормы формируют представления мужчин и женщин о том, что считается должным, обязательным, желаемым, одобряемым, ожидаемым и отклоняемым.

В-четвертых, изучение гендерных норм позволяет прояснить специфику трансформаций в ролевом поведении современных женщин и мужчин, а категории «роль» и «статусная позиция» являются основными в анализе гендерных отношений. В гендерных нормах находят отражение идеалы и ценности, доминирующие в обществе в конкретный период времени в аспекте содержания социальных ролей мужчин и женщин.

Под влиянием государственной гендерной политики определяются, конкретизируются социальные нормы и правила общественной жизни мужчин и женщин как представителей социальных групп (Клецина, Иоффе, 2017).

Процессы, происходящие в сфере гендерных отношений, актуализируют исследовательский интерес в направлении изучения отношения людей к изменяющимся гендерным нормам. Авторы сосредоточили свое внимание на изучении норм женского поведения. Как свидетельствуют результаты ряда исследований (Здравомыслова О., 2003; Кон, 2011; Ожигова, 2006; Ташёва, Киреева, 2011; Хоткина, 2016), женщины чаще мужчин демонстрируют новые модели ролевого поведения, которые изменяют существующие гендерные отношения. И.С. Кон подчеркивал: «В сфере производственных отношений происходит постепенно ускоряющееся разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных функций, ролей, занятий и сфер деятельности. Ведущей, динамической силой этого процесса являются женщины, которые быстро осваивают мужские профессии, сравниваются с мужчинами по уровню образования и т.д.» (Кон, 2002: 210).

Исследований, в которых изучаются именно гендерные нормы как социокультурные конструкты, отраженные в сознании современных людей, пока крайне мало, этим фактом и определяется выбор темы нашего исследования.

Цель статьи состоит в следующем: на основе анализа публикаций исследователей, занимающихся изучением гендерных проблем, определить составляющие нормативной модели женского поведения, которая находит отражение в ролевом поведении современных женщин.

В результате анализа теоретических и эмпирических публикаций социогуманитарной направленности, посвященных изучению основных характеристик женского поведения (Бегинина, Ивченков, Шахматова, 2018; Берн, 2008; Женщина новой России, 2002; Клецина, 2004; Клецина, Иоффе, 2017; Коннел, 2015; Нечаева, 2015), был выделен перечень норм, соответствующих *традиционной и современной (эгалитарной)* моделям женского поведения. Эти нормативные предписания были объединены в три группы: *нормы отношения женщин к замужеству и материнству, нормы поведения женщин в ситуациях межличностного взаимодействия, нормы заботы женщин о своей внешности.*

Традиционная модель нормы женского поведения

В соответствии с *традиционной нормой отношения женщин к замужеству и материнству* от каждой женщины ожидается, что она должна создать семью, родить и воспитать детей. Женщина обязательно должна быть хорошей матерью, женой и хозяйкой, так как для нее свойственно проявлять заботу о близких людях, создавать и поддерживать теплую, доверительную атмосферу в семье, она должна быть готова жертвовать своими потребностями и интересами ради благополучия детей и других членов семьи. Женщина должна быть настроена на создание семьи, а не на карьеру, поскольку именно замужество и материнство составляют ее истинное счастье. Любая зрелая женщина, у которой нет своей семьи и детей, ориентируясь на традиционные нормы, как правило, будет чувствовать себя нереализованной и обделенной.

В *межличностном общении* традиционные нормы предписывают женщине *демонстрировать в поведении скромность, мягкость, сочувствие*, особенно это важно для выстраивания отношений с мужчинами.

Женщина не должна стремиться к независимости, ей не следует открыто проявлять силу и власть; она не должна демонстрировать мужчине, что она умнее и способнее его. Каждой женщине необходимо покровительство сильного мужчины, в отношениях с которым ей следует проявлять отзывчивость и уступчивость, полагаясь на его опыт и знания. Женщина не должна соревноваться с мужчиной, она всегда должна оставаться на вторых ролях.

Третья группа норм женского поведения традиционного типа связана с высокой значимостью для женщины *привлекательной внешности*, которая представляет собой ресурс, капитал девушки, женщины, укрепляющий ее положение на «рынке невест» и эквивалентный социальным достижениям мужчины. Женщины должны ухаживать за своей внешностью и следить за фигурой, чтобы всегда хорошо выглядеть. Привлекательная внешность — это важное их преимущество, которое ценится окружающими, поэтому женщины обязаны делать все для того, чтобы быть привлекательными для других. Именно мужчины — основные ценители женской красоты и сексуальной привлекательности, поэтому женщины должны стремиться к тому, чтобы их внешность соответствовала мужским ожиданиям, сформировавшимся под влиянием эталона красоты, транслируемого современными средствами массовой информации.

Традиционная модель женского поведения была адаптивна для патриархального общества, в котором социальные роли определялись половой принадлежностью человека, были четко заданы и комплементарны. Содержание «правильного» женского поведения, в котором реализованы традиционные нормы поведения, наглядно отражено в женских образах в художественной литературе и растиражировано в СМИ. Традиционная модель женского поведения всем знакома и понятна благодаря ее апробации и трансмиссии в процессе гендерной социализации многими поколениями.

Гендерные проблемы женщин, следующих традиционным нормам ролевого поведения, раскрыты через описание таких феноменов, как *ролевой конфликт работающей женщины, страх материнства, всепоглощающее материнство, жертвенное материнство, синдром опустевшего гнезда», идеализация материнства, женский стиль коммуникации, эмоциональное донорство, синдром сэндвич-поколения, утрированная фемининность, доминантно-зависимая модель отношений, стратегия власти слабых, сексуальная объективация и самообъективация женщин и др.*

Рассмотрим содержание обозначенных феноменов, характеризующих особенности женского поведения традиционного типа.

Женщины, ориентированные на традиционные нормы замужества и материнства, часто исполняют одновременно разные роли (родительская, супружеская, профессиональная и роль хозяйки) и переживают *ролевой конфликт работающей женщины*. Он возникает в связи с тем, что женщинам просто не хватает физических ресурсов для полноценного выполнения всех этих ролей. Они ежедневно находятся в конфликтной ситуации «дом — работа», что, естественно, отражается на психологическом самочувствии, удовлетворенности семейными отношениями и жизнью вообще. Многочисленные предписания-требования различных ролей вызывают у них комплекс субъективных негативных переживаний, сопровождаемых чувством вины по отношению к детям, мужу, работе (Алешина, Лекторская, 1989; Балабанова, 2005; Гаврилица, 1998).

Загруженность женщин домашними обязанностями уменьшает их способность зарабатывать, обуславливает худшие карьерные перспективы и меньшую мобильность, т.е. ограничивает их возможности в профессиональной сфере, что закрепляет экономическую зависимость женщин от мужей (Балабанова, 2005).

Материнство — один из наиболее гендерно-окрашенных аспектов жизни женщины. В системе традиционных норм одно из центральных мест занимает норма хорошего материнства, этому идеализированному эталону в реальной жизни практически невозможно соответствовать. Многие женщины начинают испытывать чувство вины, так как над ними довлеет репрессивный образ плохой матери. Ответственность за благополучие детей, возложенная исключительно на матерей, порождает у них комплекс переживаний под названием «Я плохая мать». Недостижимый идеал хорошей матери и тень плохой матери неотступно сопровождают их на протяжении всей жизни (Микляева, Румянцева, 2018; Шадрина, 2017).

Страх материнства — еще один комплекс негативных переживаний, присущих молодым матерям. Он выражается в боязни проявить некомпетентность в связи с отсутствием нужных умений и навыков. Нормативная модель материнства предполагает компетентное родительство, связанное с освоением широкого набора знаний в сфере детской физиологии и психологии. От матери ожидается освоение знаний обо всех особенностях развития ребенка, постоянный мониторинг его состояния, чтобы на основе полученной информации вовремя обратиться к экспертам в случае обнаружения первых признаков отклонения от нормы (Чернова, Шпаковская, 2016).

Большинство женщин демонстрируют безоговорочное согласие на *всепоглощающее материнство*, то есть посвящение себя нуждам ребенка 24 часа в сутки (Фох, 2001). Беременность и уход за маленьким ребенком существенно понижают социальный статус женщины. Этот период в жизни связан с невозможностью реализации социальных ролей, непосредственно не связанных с материнством, поскольку у нее резко снижается автономия — экономическая и социальная независимость (Баллаева, 2015).

Для женщин, имеющих детей, особую значимость приобретает проблема совмещения материнства и работы. Часто они ищут более простую работу, которая приносит не столь значительный доход, но позволяет более эффективно совмещать занятость и материнство (менее интенсивный характер труда, более удобный график работы, близость к дому или детскому саду и т.д.). Женщины, имеющие перерывы в работе, связанные с рождением и воспитанием детей, медленнее продвигаются по карьерной лестнице, у них меньше, чем у мужчин, возможностей заработать достойную пенсию. «Материнство является причиной гендерно-обусловленной трансмиссии экономического неравенства на весь жизненный цикл женщины» (там же, 2015: 197).

Жертвенная позиция матерей прочно закреплена в общественном сознании благодаря художественной литературе, кинематографу и другим средствам информационного воздействия. Многие женщины, посвятившие себя семье и детям, очень остро переживают ситуацию отделения повзрослевших детей от семьи. Это явление в психологических публикациях описано как *синдром опустевшего гнезда* (Варга, 2001; Губарева, Миронова, 2017; Олифинович и др., 2008). Когда дети начинают самостоятельную жизнь, матери, утратившие необходимость повседневной заботы о них, переживают чувство ненужности, пустоты и отчуждения. Казалось бы, для родителей таких детей наступает время, чтобы «пожить для себя», но, как правило, именно матери оказываются в ситуации утраты привычных жизненных смыслов и целевых ориентиров. В качестве защитного механизма многие матери демонстрируют в разной степени выраженное и осознанное стремление вернуть детей в лоно семьи, чтобы по-прежнему ощущать себя в роли заботливой матери, всегда поддерживающей своего ребенка, и удовлетворять свою потребность во влиянии на его жизнь (Сапогова, 2017).

Наряду с подчеркиванием широкого спектра положительных эмоциональных состояний женщин, связанных с материнством (радость материнства, безграничная материнская любовь и всепрощение), исследователи пишут о связи последнего с опытом рутинной, однообразной жизни, следствием которой является раздражительность, усталость, тревожность и снижение самооценки (Окаева, 2017). Идеология всепоглощающего материнства как идеология традиционных ценностей закрепляет за женщинами двойную нагрузку в качестве данной от природы необходимости. В контексте этих ценностных ориентиров незамужние и/или карьерно-ориентированные женщины оцениваются как декомпенсированные в личном плане, замещающие семейный уют успешностью вне дома (Шишелякина, 2015).

Сторонники традиционной семейной идеологии культивируют *идеализацию материнства*, тем самым жестко разграничивая родительские роли семейных партнеров и закрепляя гендерное неравенство. При таких установках приобретение материнского статуса усугубляет гендерное неравенство, усиливает зависимость женщины от брачного партнера и восстанавливает традиционное разделение труда между мужем и женой (Fox, 2001).

Идеализация материнства в обществе в целом препятствует осознанию фактов жестокого обращения матерей с детьми и их использования, а также удовлетворения с их помощью собственных мстительных тенденций (Уэллдон, 2016). В некоторых случаях материнство настолько обостряет проблемы женщин, связанные с прошлым опытом, что они становятся не в состоянии с ними справиться. В результате с удовлетворением и счастьем, связанными с появлением детей, иногда приходят пугающие чувства отчаяния, уныния и несостоятельности, которые могут легко превратиться в ненависть, направленную на ребенка. С результатами этой оборотной стороны идеализации материнства приходится иметь дело практикующим психологам и психотерапевтам.

Традиционные нормы женского поведения в межличностных отношениях предписывают женщинам проявлять черты «хорошей девочки»: послушание, уступчивость и готовность помочь (Эрхардт, 2003). В процессе социализации девочек приучают нравиться, быть приветливыми и покладистыми, в результате у многих формируется страх быть осуждаемой и отвергнутой в случае проявления «неженственного» поведения: независимости, уверенности в себе, самодостаточности.

«Женский стиль» коммуникации проявляется в установке на кооперацию и равенство, сглаживание конфликтов, использование «безвластного языка» (Кирилина, 2004: 132–133). Находясь в обществе, женщины чаще мужчин улыбаются и склонны проявлять конформность. Они скромнее представляют себя и реже демонстрируют свой высокий статус и власть. По сравнению с мужчинами женщины менее склонны к визуальному доминированию. Обычно они уменьшают визуальный контакт, когда говорят сами, и сосредоточивают внимание на собеседнике, когда слушают (Чалдини и др., 2002).

Забота о семье и близких людях — важная характеристика «правильного» женского поведения. Широко распространены нормативные социокультурные установки, в соответствии с которыми женщина должна быть вовлечена во все события жизни близких людей, должна жить их интересами и увлечениями, принимать активное участие в их судьбе. Именно от женщины ожидается, что, благодаря таким качествам, как включенность в личные отношения, контактность, склонность к эмоциональной близости, сострадательность, она будет выступать *эмоциональным донором* для всех членов семьи.

Традиционные гендерные нормы определяют заботу как долг женщины. Забота о других людях — это одна из форм (не)оплачиваемого труда, включающая определенные усилия физического, интеллектуального, эмоционального характера с целью удовлетворения потребностей других людей. Забота понимается прежде всего как женская повседневная практика, реализуемая в рамках семейных отношений. Поведение женщины, которое не соответствует нормативным ожиданиям по поводу ее готовности посвящать всю себя заботе о членах семьи, осуждается. Женщин обвиняют в неспособности сохранять благоприятный климат семейных отношений, в неумении идти на уступки в ситуациях супружеских конфликтов, в нежелании посвятить себя семье вместо карьеры (Здравомыслова Е., Темкина, 2015: 381–383).

Многие женщины в возрасте между 45 и 65 годами оказываются «зажатыми» между обязанностями обеспечивать детей и ухаживать за пожилыми родственниками, зачастую продолжая при этом работать в сфере оплачиваемого труда. Этот феномен в литературе описывается как *синдром сэндвич-поколения* (*sandwich generation*) (Miller, 1981; Parker, Patten, 2013; Pierret, 2006). Считается, что женщина должна проявлять заботу о заболевших и пожилых членах семьи. Именно ей приписывается главная роль в организации заботы в отношении зависимых членов семьи. Она может делегировать другим обязанности по обеспечению ухода, но все же главная ответственность лежит на ней. В России из-за недостаточной институциональной поддержки для баланса ролей и обязательств (Новый быт, 2009: 249) эффект от синдрома сэндвич-поколения проявляется особенно жестко. Вовлеченность во множественную заботу представляет собой тяжелую жизненную ситуацию: возрастает физическая нагрузка и психологическое напряжение из-за невозможности принадлежать себе; возникает состояние эмоциональной депривации из-за сопровождения болезни, старости; учащаются конфликты в семье.

Существующие в обществе нормативные представления о мужественности ориентируют мужчин на проявление таких особенностей поведения, как напористость, целеустремленность, активность, демонстрация силы и уверенности в себе, умение добиться своих целей, настоять на своем, для чего допускается проявление директивности и даже агрессии. Комплементарной такой модели мужского поведения является *модель утрированной фемининности* (Коннел, 2015), главный элемент которой — согласие с зависимым статусом в отношениях и доминированием мужчин.

Неработающие женщины, находящиеся в экономической зависимости от своих мужей или партнеров, нередко сталкиваются с ситуацией экономического насилия. Экономическое насилие в семье не расценивается в обществе как девиантное поведение, так как оно полностью соответствует распространенному традиционному гендерному стереотипу мужчины-кормильца (Баллаева, 2015). *Доминантно-зависимую модель* отношений имеет смысл рассматривать в качестве предиктора проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами.

Принимая свое зависимое положение и следуя общепринятым гендерным предписаниям, женщины часто используют различные *стратегии власти слабых* (Здравомыслова Е., Темкина, 2009), опираясь на ресурсы заботы и эротического манипулирования, а также используя эмоциональную депривацию в качестве рычага воздействия на близких. Э. Эрикссон отмечал, что «женщина на протяжении всей истории (по крайней мере, в эпоху патриархата) соглашалась на роли, позволяющие эксплуатировать заложенный в ней мазохизм: она соглашалась на замкнутую и неподвижную жизнь, позволяла поработать себя и превращать в инфантильное существо. Ею торговали, ее эксплуатировали, в лучшем случае она получала взамен то, что мы в психологии называем вторичной выгодой, — возможность косвенно на что-то влиять» (Эрикссон, 1996: 297–298).

Между тем, известно, что выполнение семьей своих репродуктивных функций зависит, в первую очередь, от стабильности и устойчивости брака, т.е. от его качественных характеристик (Римашевская, 2016).

Традиционные нормы отношения к собственной внешности ориентируют женщин на сверхценное отношение к своей внешней привлекательности. В процессе социализации внешность девочек часто выступает предметом оценивания («Как ты выглядишь? Ты же девочка!», «Какое красивое платье!», «Красотка!»), что формирует привычку постоянно следить за своей внешностью и ведет к *самообъективации*.